Гос. публ. библиотека
Библиотека РСФСР

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

№ 1 ПЕТРОГРАДЪ.

ЦѢНА 15 КОП. НА СТАНЦІЯХЪ Ж. Д. 20 КОП.

Великая война, которой мы не хотѣли, но которую мы ведемъ съ великимъ одушевленіемъ, съ чрезвычайнымъ напряженіемъ всѣхъ нашихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, поставила передъ нашимъ сознаніемъ и передъ совѣстью нашею основные вопросы нашего общественнаго и государственнаго строительства. Не напрасно газеты поспѣшили назвать эту войну отечественною. Вопросъ объ отечествѣ внезапно пріобрѣлъ для насъ особую остроту и значительность.

Русское общество и русскій народъ застигнуты войною неожиданно, но свѣтлая сторона этой войны въ томъ, что она пришла къ намъ тогда, когда представшіе нашему рѣшенію вопросы въ разумѣ и совѣсти нашей оказались уже рѣшенными. Героическая работа русской интеллигенціи прошла не даромъ. И теперь намъ надо не спорить и доказывать, а только опредѣлить смыслъ событій. И этотъ смыслъ совершающагося заставляетъ насъ признать эту войну не только оборонительною, но и освободительною. Мы пріемлемъ ее не только, какъ борьбу за права малыхъ государствъ, угрожаемыхъ великими, не только какъ борьбу противъ германскаго милитаризма, но и какъ борьбу . . . . . .
противъ внутренней опасности, въ какихъ бы разнообразныхъ формахъ эта опасность ни выражалась.

Первая и главнѣйшая опасность, угрожавшая и угрожающая намъ,—опасность внутренняго раздѣленія и нестроенія. Готовность всѣхъ населяющихъ Россію племенъ съ равнымъ рвеніемъ встать на защиту отечества показываетъ, какъ несправедлива въ Россіи проповѣдь человѣконенавистничества и узкаго націонализма. Племена, наравнѣ съ русскими несущіе всѣ тяготы нашей государственности, наравнѣ съ русскими защищающіе наше общее отечество, этимъ самымъ утверждаютъ, что отечество для всѣхъ, что Россія для каждаго, кто считается русскимъ подданнымъ и исполняетъ свои обязанности по отношенію къ государству. Не для русскихъ только по языку и происхожденію Россія, она для всѣхъ, кто осѣненъ мощью ея державной государственности. Неравенство въ правахъ разныхъ народностей никому въ Россіи не нужно, мощи государственной не увеличиваетъ, и лишь поддерживаетъ наше внутреннее нестроеніе. Уравненіе всѣхъ въ правахъ ни мало не противорѣчитъ опредѣленіямъ русской государственности.

Скажете-ли вы, что Россія создана русскимъ племенемъ? Хорошо, стало быть, она должна опредѣляться свойствами русскаго народнаго духа,—а этому духу чужда и противна вражда и замкнутость. Душа русскаго народа довѣрчива, открыта всѣмъ вліяніямъ, и быть иначе не можетъ: только та народность можетъ служить основою великаго государства, которая способна легко и радостно сочетаться съ всѣми племенами, стоящими на ея историческомъ пути. Такъ всегда и было въ исторіи Россіи, и никто же не утверждаетъ, что люди унаслѣдовавшіе отъ родителей русскій языкъ, составляютъ чисто-славянское, безпримѣсное племя.

Скажете ли вы, что Россія—государство христіанское? Хорошо, но развѣ завѣты Христа не въ томъ, чтобы видѣть друга, и брата, и равнаго себѣ въ каждомъ человѣкѣ? Чѣмъ болѣе мы христіане, тѣмъ менѣе въ сердцѣ нашемъ вражды и исключительности.

И развѣ въ зависимости отъ того, что два человѣка говорятъ на разныхъ языкахъ и молятся по разному, измѣняется ихъ отношеніе къ дѣлу? Для того, чтобы платить пошлины и налоги, для того, чтобы носить оружіе, защищая отечество, никакого значенія не могутъ имѣть ни вѣроисповѣдные, ни расовые признаки.

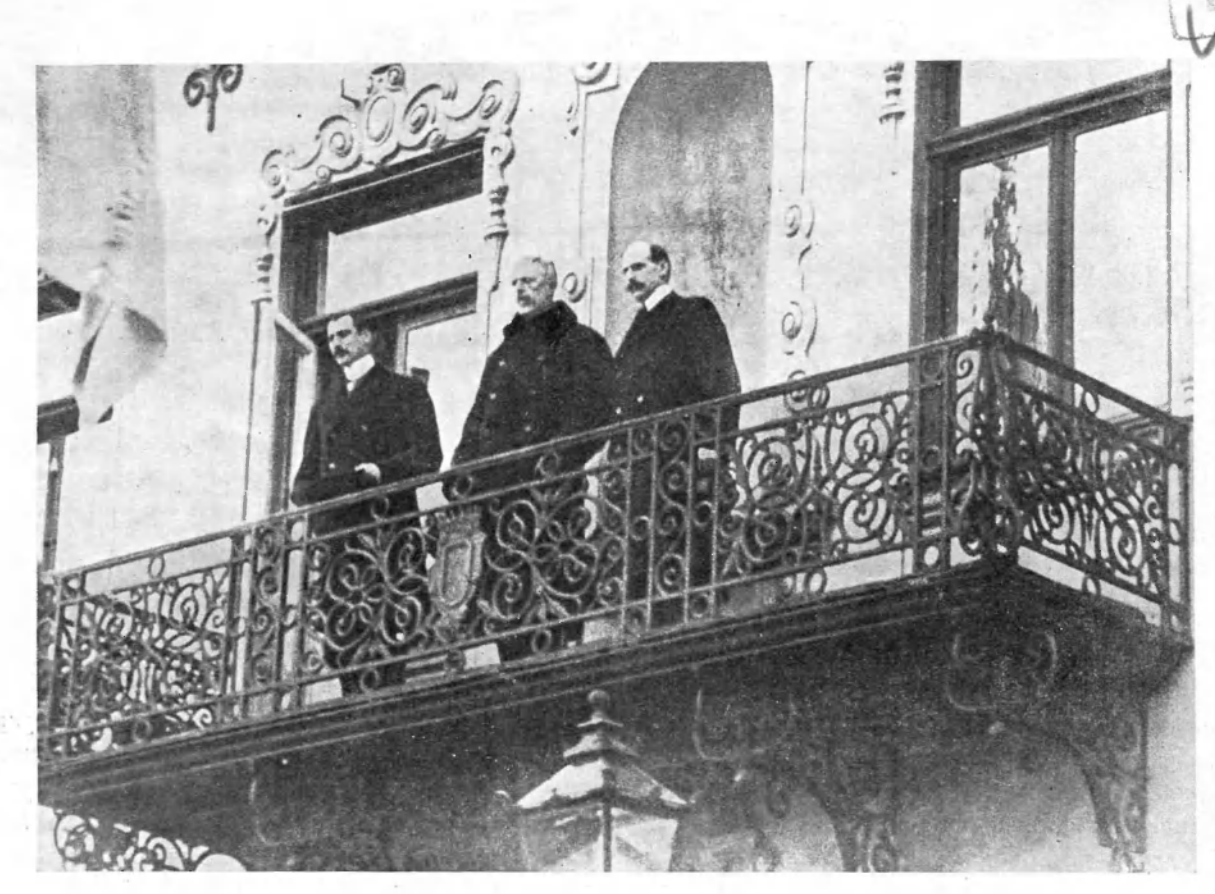
Отечество для всѣхъ насъ, потому—что и мы всѣ для отечества. Отечество—нашъ общій домъ, и этотъ домъ всѣ мы строимъ, поддерживаемъ въ порядкѣ и въ благолѣпіи, и защищаемъ. Мы строимъ нашъ общій домъ не какъ наемники, которые получатъ плату и отойдутъ отъ строенія, и уже оно для нихъ чужое. Строя, украшая и защищая нашъ общій домъ, мы ни съ кѣмъ не торгуемся, мы даемъ все, что для строенія и защиты потребно,—даемъ наше достояніе, нашъ трудъ, самую жизнь нашу. Даже когда кажется намъ, что трудъ нашъ эгоистиченъ, и тогда онъ обращается на пользу нашему общему дому, если онъ не преступенъ: вѣдь все то, что увеличиваетъ счастье, благополучіе и свободу каждаго, живущаго въ домѣ, увеличиваетъ прочность и благолѣпіе дома.

Мы строимъ нашъ общій домъ, украшаемъ его и защищаемъ, не щадя порою самой жизни нашей, и дѣлаемъ все это радостно и охотно потому, что въ общемъ дому нашемъ мы всѣ не наемники и не гости. Кто же мы всѣ въ общемъ дому нашемъ?

Мы всѣ должны знать и всегда помнить, что въ общемъ дому нашемъ мы—хозяева. Это—не право наше, это—нашъ долгъ по отношенію къ дому, о которомъ мы должны заботиться, какъ и всякій добрый хозяинъ заботится о домѣ своемъ. Это сознаніе, что мы—хозяева общаго дома нашего, сказывается и въ томъ, что каждый изъ насъ, въ комъ не дремлютъ совѣсть и разумъ, не можетъ не чувствовать себя самого отвѣтственнымъ за нестроенія жизни нашей.

Не кто-нибудь посторонній, не конгрессъ союзниковъ извнѣ, и не какое-нибудь одно сословіе внутри устроитъ наши дѣла и скажетъ Польшѣ: будь такою-то, и еврею: пользуйся такими-то правами, и Финляндіи: имѣй такіе-то законы, и всѣмъ инымъ, что кому на пользу. Ни союзники наши, ни одно изъ сословій нашихъ, ни нѣкоторые мудрѣйшіе или сильнѣйшіе изъ насъ,—мы всѣ, русскіе подданные, мы всѣ легко и охотно несущіе бремя государственности, мы всѣ призваны въ разумѣ и въ совѣсти нашей рѣшить основные вопросы великаго домостроительства нашего.

Ѳ. С.



Конференція скандинавскихъ государей въ Мальме. Выходъ къ народу. Король датскій Христіанъ, шведскій—Густавъ, норвежскій—Гааконъ.

УРОКЪ ВОЙНЫ.

ВОЙНА, какъ единый фактъ, разумѣется глубоко-закономѣрна; никто не мыслитъ войну какъ результатъ случайности, — напротивъ, всякому ясно, что войною замыкается цѣпь событій, неразрывныхъ въ своей причинной связи и неустранимыхъ каждое въ отдѣльности. Точно также строжайшимъ образомъ причинно - обусловлена и вся структура войны — стратегія и тактика, техника и нравственное состояніе борющихся, ходъ военныхъ дѣйствій и самый исходъ войны. Историкъ, приступая къ описанію греко-персидской или франко-прусской войны, съ самаго начала безъ колебаній намѣчаетъ два причинныхъ ряда: одинъ ретроспективно уясняющій неизбѣжность войны, другой — уясняющій неизбѣжность побѣды тамъ грековъ, здѣсь нѣмцевъ. Его увѣренность основана на сознаніи, что въ цѣломъ и возникновеніе, и ходъ войны суть явленія закономѣрныя по самой своей природѣ, какъ закономѣренъ громъ или прозябаніе ростка изъ сѣмени.

Между тѣмъ, въ своемъ осуществленіи, въ своемъ молекулярномъ процессѣ война болѣе какого-либо другого явленія — царство случайности. Каждый крупный актъ войны, разложенный микроскопически, оказывается непостижимо-закономѣрнымъ итогомъ безчисленныхъ явныхъ случайностей. Другими словами, отдѣльная личность въ войнѣ находится всецѣло во власти случая, хотя случай, властвующій надъ нимъ, самъ подчиненъ нѣкоему закону. Безъ сомнѣнія, именно это сознаніе глубинной закономѣрности своихъ случайныхъ судебъ даетъ силу воинамъ презирать роковую случайность войны, какъ начало несвободное, подчиненное выс-

А. И. ГУЧКОВЪ НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ.

ЕЛКА ВЪ ЛАЗАРЕТѢ СВ. ЕКАТЕРИНЫ. *(Собств. журн. «Отечество»).*

шему началу. И тѣмъ не менѣе самый фактъ очевиденъ: судьбу отдѣльнаго человѣка на войнѣ непосредственно опредѣляетъ только случай.

Случайность принято объяснять, какъ точку пересѣченія двухъ разнородныхъ причинныхъ рядовъ. Это совершенно вѣрно, но вѣдь это не объясненіе, а только описаніе; утѣшитъ ли оно тяжело раненаго, утѣшитъ ли мать убитаго? Мыслитель безъ труда докажетъ ей, что выстрѣлъ, убившій ея сына, былъ строго-закономѣренъ во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ отдаленнѣйшихъ причинъ нынѣшней войны и кончая направленіемъ, по которому летѣла данная пуля, и что такъ же всесторонне-закономѣрно было положеніе головы ея сына въ ту минуту, когда ее пронзила эта пуля; но мать, выслушавъ спроситъ: «Почему нужно было, чтобы движеніе пули пересѣклось съ движеніемъ именно этой, такъ милой мнѣ головы, а не съ движеніемъ какой-либо другой, или, еще лучше, не направилось на кустъ, на землю, на стѣну? Она спроситъ: «Въ томъ бою изъ 2.000 нашихъ пало только 40; почему мой сынъ оказался въ числѣ этихъ сорока, а не въ числѣ уцѣлѣвшихъ»? И мыслитель ничего не сможетъ отвѣтить ей.

На вопросъ матери возможны только два отвѣта: необходимо признать — либо, что случайность по существу безсмысленна, либо—что она закономѣрна, но только въ какомъ-то сверхчеловѣческомъ смыслѣ, недоступномъ пониманію нашего разума; третьяго объясненія не можетъ быть. Само собою разумѣется, что принятіе того или другого толкованія заранѣе

РУССКІЕ ВЪ ЯРОСЛАВѢ. *(Собств. журн. «Отечество»).*

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ ПОДАРКИ НА ПОЗИЦІЯХЪ. *(Собств. журн. «Отечество»).*

обусловлено въ каждомъ человѣкѣ его наличнымъ міросозерцаніемъ, предшествующимъ опытомъ, и т. п.; конечно, убѣжденный позитивистъ не обинуясь назоветъ случайность безсмысленной, и, напротивъ, вѣрующая мать безропотно склонитъ голову: «Да будетъ воля Твоя»! Но законченныхъ, окрѣпшихъ міровоззрѣній—немного; огромное большинство душъ находятся въ зыбкомъ состояніи, непрерывно переходятъ изъ настроеній шаткой и полусознанной вѣры въ настроенія грубаго матеріализма и снова назадъ, и такъ безъ конца всю жизнь, не находя ни тамъ, ни здѣсь окончательнаго покоя. Для такихъ людей,—когда война ставитъ предъ ними въ страшной личной формѣ всемірный вопросъ о смыслѣ случайности,—для такихъ людей война тѣмъ самымъ оказывается могучимъ толчкомъ къ ихъ окончательному самоопредѣленію. Здѣсь, въ войнѣ, всякій участникъ находится во власти случая; притомъ, здѣсь отъ случая зависятъ не мелкія частности личной судьбы, а всегда—нѣчто очень важное: самая жизнь или, по меньшей мѣрѣ, здоровье, цѣлость тѣла; поэтому и самъ участникъ, и его близкіе все время чувствуютъ себя какъ-бы стоящими предъ невидимымъ, но грознымъ судилищемъ въ ожиданіи приговора, и слѣдовательно ни на минуту не могутъ отдѣлаться отъ навязчиваго вопроса: это судилище, отъ котораго зависитъ все мое благо,—какъ оно судитъ? по неизвѣстнымъ ли мнѣ непзмѣннымъ законамъ,—въ чемъ человѣческій умъ всегда находитъ глубокое удовлетвореніе,—или по безсмысленной прихоти, что въ высшей степени оскорбительно и почти невыносимо? Захваченный горемъ человѣкъ не можетъ не думать объ этомъ непрерывно, страстно, мучительно, и это размышленіе кристаллизуетъ его душу, толкаетъ ее къ какому-нибудь изъ двухъ полюсовъ—къ благословенію всей міровой жизни, какъ процесса непостижимо-разумнаго, или къ совершенному отчаянію и проклятію. И такъ какъ нынѣшняя война охватываетъ такое большое число участниковъ, какъ ни одна изъ предшествовавшихъ ей, и, значитъ, за время этой войны тотъ вопросъ неотступно преслѣдуетъ милліоны и милліоны людей—самихъ воиновъ и ихъ близкихъ,—то надо думать, что она могущественно ускоритъ, по крайней мѣрѣ въ европейскихъ народахъ, процессъ самосознанія. Впрочемъ, таково-же, хотя и слабѣе въ размѣрахъ, было дѣйствіе и всѣхъ прежнихъ великихъ войнъ.

М. Гершензонъ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ДѢДЪ И ВНУКЪ

ЗА ДЪ бѣлою скатертью обѣденнаго стола горѣла шестнадцатисвѣчевая лампа Эдисонъ. Сидѣли за столомъ, какъ всегда, двое, дѣдъ и внукъ, инженеръ Заревой въ сѣрой тужуркѣ и гимназистъ Дима въ домашней красивой и легкой синей курточкѣ, въ короткихъ панталонахъ съ голыми ногами: онъ воспитывался по-спартански. Разговаривали. Пожилая горничная Христина ухмылялась, слушая.

— Если бы мнѣ тебя, дѣдушка, не было жалко, я бы давно ушелъ на войну,—сказалъ Дима.

— Четырнадцатилѣтнихъ не берутъ, спокойно возразилъ дѣдушка.—Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, и меня въ солдаты не возьмутъ. Такъ-то, другъ, старый да малый сиди дома. Безъ насъ воиновъ въ Россіи много, сильныхъ, молодыхъ здоровыхъ.

— Нѣтъ, дѣдушка,—спорилъ Дима,—мнѣ ужъ скоро пятнадцать. На войнѣ такіе есть. Иные мои сверстники отличиться успѣли. Я еще подумаю, подожду, да и поѣду.

— А тебя вернутъ съ дороги,—говорилъ дѣдъ.

— А я опять уѣду,—отвѣчалъ Дима.

— Я тебя не пущу.

— Да я самъ убѣгу.

— И думать не смѣй. Чуть что замѣчу, высѣку.

Дима улыбнулся, и заговорилъ спокойно, убѣждающимъ голосомъ:

— Дѣдушка, я смерти не боюсь, и ранъ не боюсь, такъ развѣ мнѣ отъ тебя будетъ что-нибудь страшно?

— А вотъ высѣку, такъ забоишься,—ворчливо сказалъ дѣдъ.

— Дѣдушка, я — спартанецъ,—говорилъ Дима.—Бояться мнѣ нечего. Если бы я чего-нибудь боялся, я бы самъ себя презиралъ. Ты на меня не сердись, милый дѣдушка, но я тебѣ прямо скажу, что меня не страхъ держитъ.

— А что же?—спросилъ дѣдъ.

— Да такъ, все думаю,—отвѣчалъ Дима.—Буду-ли полезенъ? Не буду-ли только помѣхой? Посмотрю на себя въ зеркало,—ростомъ малъ, съ лица мальчишка. Патроны подавать? Нѣтъ, лучше развѣдчикомъ быть, бойскоутомъ. Если бы я въ тѣхъ мѣстахъ выросъ, давно бы я въ дѣлѣ былъ. А въ незнакомой мѣстности... Да нѣтъ, дѣдушка, ужъ ты не сердись, если я въ одно прекрасное утро исчезну.

Дѣдъ нахмурился, и сердито сказалъ:

— Да и ты, другъ, не сердись, когда тебѣ отъ меня за эти разговоры достанется.

Такъ часто перекорялись дѣдъ со внукомъ. Рѣдкій день не было такого спора. Иногда кончались эти споры мирно, иногда большими непріятностями.

Дима остался круглымъ сиротой по пятому году, и выросъ у дѣда. Былъ онъ мальчикъ разсудительный, спокойный, сильный, здоровый. Жажда приключеній не томила его, можетъ быть, потому, что дѣдъ мало стѣснялъ его, и по лѣтамъ Дима жилъ вольною птицею.

Когда Дима оставался дома одинъ, онъ доставалъ припрятанный имъ съ осени отцовскій мундиръ пѣхотнаго штабсъ-капитана, и надѣвалъ его на себя. Великоватъ! Стоя передъ зеркаломъ, Дима самъ себѣ казался слишкомъ малымъ и забавнымъ въ этомъ большомъ для него одѣяніи. Ему казалось тогда, что въ солдатскомъ мундирѣ онъ будетъ похожъ на оловяннаго солдатика, и надъ нимъ будутъ смѣяться. Да и не дадутъ ему солдатскаго мундира,—такого роста развѣ бываютъ солдаты? Если бы хоть на полтора вершка быть повыше!

Иногда Дима плакалъ отъ досады, иногда утѣшалъ себя соображеніями, что отецъ былъ высокій, и что онъ самъ, Дима, скоро подрастетъ.

А дѣдъ, уйдя къ себѣ въ кабинетъ, и притворивши поплотнѣе двери, пробовалъ заняться

Рис. Б. Кустодіева.

гимнастикою.—дѣлалъ присѣданія, сгибаніе и вытягиваніе рукъ, нагибаніе туловища впередъ, назадъ и въ стороны. Бралъ стулъ, и съ нимъ сгибалъ и вытягивалъ руки.

Та же мечта была у него, какъ у внука,—пойти на войну,—и надежда: вотъ отъ гимнастики прибавится силъ, помолодѣетъ, потеплѣетъ кровь. Но скоро убѣждался, что сила ужъ не та, какъ въ молодости, и не прибавляется, скорѣе убываетъ,—скоро уставалъ, руки и ноги дрожали, сердце билось, хотѣлось полежать. Онъ думалъ съ досадою:

«Да, и я не гожусь въ воины».

Кончался годъ, дни стали понемногу прибывать. Дима пересталъ спорить съ дѣдомъ. Онъ окончательно рѣшилъ, что седьмого ян-

варя уйдетъ изъ дому, какъ будто въ гимназію, а самъ проберется въ воинскій поѣздъ, и отправится на войну.

Когда люди долго живутъ вмѣстѣ, и очень дружны, у нихъ иногда совпадаютъ біенія волевыхъ темповъ. И у дѣда явилась мысль послѣ праздниковъ проситься, чтобы его хоть ратникомъ зачислили. Въ войскахъ онъ никогда не служилъ, но былъ рьянымъ охотникомъ, и стрѣлялъ хорошо. Чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, и день намѣтилъ онъ тотъ же, что и внукъ намѣтилъ: седьмое января. А пока сталъ пріискивать, кого бы пригласить въ домъ для Димы. Иногда думалъ, что лучше Диму отдать куда-нибудь.

Встрѣтили Новый Годъ дѣдъ и внукъ вдвоемъ, какъ всегда. Пожелали другъ другу исполненія желаній, и оба почему-то смутились при этомъ. А ночью оба увидѣли почти одинаковый сонъ.

Снилось Димѣ великое полчище охотниковъ-отроковъ въ синихъ одеждахъ, такихъ же, какъ домашняя Димина. У каждаго за спиною на перевязи висѣло охотничье ружье. Они шли изъ города, утонувшаго въ садахъ, по широкой дорогѣ, обсаженной липами и березами, веселыми деревьями. Мальчики были веселые, шли быстро и бодро. Они пѣли пѣсню, мелодія которой радовала и волновала.

. . . . . .

Дима стоялъ одинъ на краю дороги, и дивился на проходившихъ мальчиковъ.

— Иди съ нами!—сказалъ одинъ изъ мальчиковъ Димѣ, когда замолкъ припѣвъ пѣсни.

— А куда вы идете?—спросилъ Дима.

— Мы идемъ въ лѣса убивать вредныхъ звѣрей,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Дима,—мнѣ съ вами не по дорогѣ. Я иду на войну.

Засмѣялись мальчики.

— О чемъ вы смѣетесь—дивясь, спросилъ Дима.

Мальчикъ, разговаривавшій съ нимъ, сказалъ:

— Развѣ ты не знаешь, что окончилась послѣдняя война? Берлина нѣтъ, войны больше не будетъ.

— Да, да!—закричали другіе мальчики,—войны больше не будетъ.

— Берлина нѣтъ!

— Это была послѣдняя война.

. . . . . .

— Наши отцы и братья умирали не даромъ.

— Они побѣдили войну!

— Войны больше не будетъ!

Громко и радостно звучали ихъ голоса, какъ перезвонъ колоколовъ большого праздника.

Дима проснулся. Вскочилъ съ постели, и бросился бѣжать къ дѣду, крича:

— Дѣдушка, это—послѣдняя война.

Дѣду снился бѣлый пріемный залъ. Окна открыты, съ улицы доносится гулъ многихъ голосовъ. Высокій, сѣдой генералъ идетъ навстрѣчу дѣду. Дѣдъ говоритъ:

— Возьмите меня хоть въ ратники, хоть провіантскіе магазины сторожить. Вѣдь взяли же во Франціи Анатоля Франса, а я на десять лѣтъ моложе.

Генералъ улыбается и отвѣчаетъ:

— Я знаю, вы—отличный охотникъ и стрѣлокъ. И внукъ вашъ отличался на пробной стрѣльбѣ. Онъ въ нашемъ городѣ по мѣткости оказался первымъ.

Дѣдъ радъ и гордъ. Но ему страшно за внука, и онъ говоритъ:

— Димѣ еще рано, меня возьмите.

Генералъ говоритъ:

— Да, вы будете начальникомъ юныхъ охотниковъ нашего города.

. . . . . .

— Я хочу на войну,—говоритъ дѣдъ.

Генералъ смѣется и говоритъ:

— Развѣ вы не знаете, что это была послѣдняя война? Берлина нѣтъ, войны не будетъ, наши ружья только для дикаго звѣря.

Въ открытыя окна съ улицы слышны громкіе крики:

. . . . . .

— Войны больше не будетъ,—кричитъ Дима, тормоша дѣда. . . . . .

. . . .

Дѣдъ просыпается. Дима садится на его постели, и разсказываетъ свой сонъ. Дѣду весело. Онъ говоритъ:

— Такъ-то, другъ, кровь проливается не даромъ. Великое слово — послѣдняя война! Война противъ войны!

— Великое слово,—повторяетъ Дима.

— Что же, милый другъ, ты долженъ дѣлать?—спрашиваетъ дѣдъ.

Дима думаетъ, краснѣетъ и говоритъ:

— Жить для будущаго.

— А что надо для будущаго — спрашиваетъ дѣдъ.

Дима отвѣчаетъ:

— Много учиться. Быть сильнымъ и добрымъ.

— А зачѣмъ нужна сила и доброта?— спрашиваетъ дѣдъ.

Дима отвѣчаетъ: . . . . . Уничтожать всякое зло.

Дѣдъ говоритъ:

— Зло уничтожать не мы съ тобой начали. И о прошломъ помнить надо.

— Знаю, дѣда,—говоритъ Дима.—Я знаю, что долженъ чтить подвиги доблестныхъ воиновъ, побѣждающихъ войну. И быть поскромнѣе,—не соваться съ моими слабыми силенками на великій подвигъ. А если эта война будетъ длиться долго, придетъ и моя очередь. Позовутъ, пойду. А тайкомъ отъ тебя не сбѣгу.

— Спасибо, другъ, утѣшилъ,—говоритъ дѣдъ.

Хочетъ поцѣловать Диму, но Дима быстро соскакиваетъ съ его кровати, и становится на колѣни.

— Постой, дѣдушка, — говоритъ онъ,— хвалить меня погодить, а наказать есть за что; вѣдь я ужъ совсѣмъ надумалъ седьмого января бѣжать на войну.

Дѣдъ смѣется. Говоритъ:

— Старый да малый, другъ на друга похожи. Вѣдь и у меня, другъ, такія же мысли были. Думалъ: Димку въ пансіонъ, а самъ въ ратники.

— А теперь раздумалъ? — спрашиваетъ Дима.

— Раздумалъ,—говоритъ дѣдъ.

— Ну, и я раздумалъ.

И оба рады. Хорошимъ сномъ встрѣтилъ ихъ Новый годъ.

СТИХИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА.

* * *

Часовая стрѣлка близится къ полночи.
Свѣтлою волною всколыхнулись свѣчи.
Темною волною всколыхнулись думы.
Съ Новымъ Годомъ, сердце! Я люблю васъ тайно
Вечера глухіе, улицы нѣмыя.
Я люблю васъ тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догорѣвшей.

КЪ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЮ ВЪ ИТАЛІИ.

Крестьянскій домъ въ сѣверной части Компаніи.

СНОВА слѣпая стихія въ горе и ужасъ повергла прекрасную и несчастную Италію. Снова города и села сравнены съ землей, и тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей погибли подъ развалинами. Пять лѣтъ тому назадъ я видѣлъ въ крови и смерти Мессину, Реджіо, Каттанцарро и другіе города. И думалось тогда, что есть все-же предѣлъ злобѣ стихій, и что свирѣпый хромоногій Вулканъ, насытившись страданіями людей, надолго успокоится.

И вотъ снова Италія облеклась въ трауръ: не существуетъ Авеццано, стерты съ лица земли десятки деревень.

Тамъ, гдѣ въ знойномъ туманѣ стелется римская маремма, узкой лентой вьется желѣзный путь. Вотъ обогнулъ онъ малярійную степь, пронесся мимо разалинъ античныхъ крѣпостей и віадуковъ и прихотливо побѣжалъ въ гору: начинается округъ Авеццано. Мчится поѣздъ на Сульмону, все пышнѣе и привѣтливѣе природа, все выше къ небу карабкаются горы. Отъ Сульмоны путь развѣтвляется: прямо на востокъ, на Пескару, воспѣтую Габріэлемъ д'Аннунніо; и, свернувъ на юго-западъ, черезъ суровую Казерту, на Неаполь. А въ сторонѣ отъ большого тракта Чепрано-Фрозиноке, течетъ узкая, говорливая рѣка Лири, протискиваясь межъ утесовъ Апеннинъ. Вотъ разбилась рѣка и образовала островокъ, на которомъ кокетливо расположилось мѣстечко Isola del Liri.

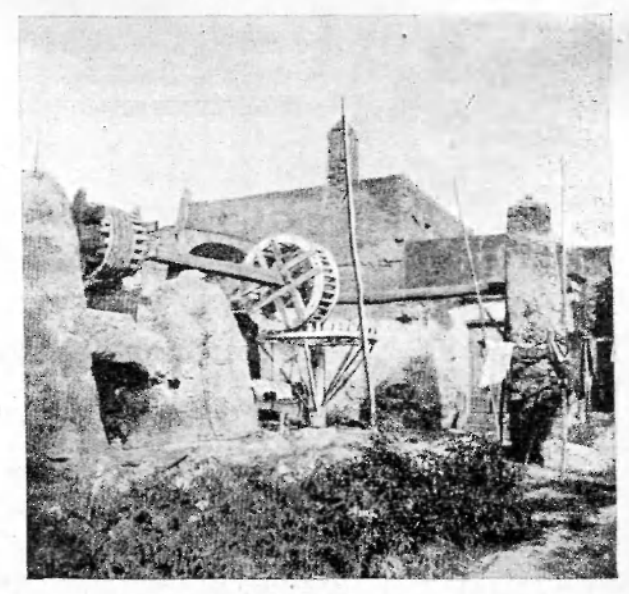
Вверхъ по теченію раскинулось мѣстечко Сора. Нынѣ этотъ прекрасный треугольникъ Авеццано-Сора-Сульмона разрушенъ. Нѣтъ красивыхъ деревень и старинныхъ дворцовъ, древнихъ церквей и цвѣтущихъ садовъ: въ нѣсколько минутъ рай превращенъ въ адъ.

Такъ, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, несутся къ несчастнымъ мѣстамъ поѣздъ за поѣздомъ съ врачами, съѣстными припасами, саперами и пѣхотными солдатами. Будутъ гремѣть тысячи кирокъ и лопатъ о гранитъ горъ, подъ камнями разыскивая заживо-погребенныхъ, искалѣченныхъ людей. Раскинутъ вокругъ сотни палатокъ, и въ нихъ врачи будутъ ампутировать руки и ноги. Въ сторону снесутъ тысячи труповъ, и страшная гора будетъ расти изо дня въ день: надо раньше думать о живыхъ, а потомъ ужъ о мертвыхъ. А среди труповъ будутъ шнырять голодные псы и рвать погибшихъ хозяевъ. Да сухая ружейная трескотня будетъ говорить, что солдаты разстрѣливаютъ свирѣпыхъ псовъ. Такъ было въ Мессинѣ пять лѣтъ назадъ. Такъ будетъ и теперь.

Все это я вижу явственно, ибо не изгладится изъ памяти безконечный ужасъ великой трагедіи Мессины. И тѣмъ явственнѣе картина, когда приходитъ сообщеніе о новой катастрофѣ, напоминающей мессинскую. Возстаютъ въ памяти событія прошлаго, и холодомъ смерти охватываютъ эти воспоминанія.

Страшнѣе всего мысль о томъ, что отъ нелѣпой ярости подземной стихіи гибнутъ прекраснѣйшія мѣста Европы. Жалость къ людямъ переплетается съ жалостью къ погибающей красотѣ природы. И еще: печаль по разрушаемымъ живымъ памятникамъ старины. Тутъ все—исторія, неумирающая въ остаткахъ своихъ. Здѣсь народы, со временъ глубокой древности, творили, боролись, страдали и наслаждались.

Здѣсь, по дорогѣ въ Амальфи, проходили лангобарды и за ними вслѣдъ мчались рыцари папы Сергѣя II. Здѣсь мусульманскія полчища, скрываясь въ отрогахъ горъ, сторожили неутомимыхъ дружинниковъ сполет-



Орошеніе поля подъ Сора.

скаго герцога. Оттуда, изъ-за Капуанскихъ Альпъ, спускались въ долину Лири воины испанскихъ вице-королей. Черезъ Беневентъ, спѣша на западъ, мчались всадники Фридриха II. Здѣсь, подъ твердынями Авеццано, стояли бивакомъ пращники Руджеро II. И ночью, когда лагерь спалъ и лишь изрѣдка перекликались часовые, при колеблющемся свѣтѣ желтой свѣчи въ золотомъ канделябрѣ сидѣлъ въ палаткѣ умнѣйшій и образованнѣйшій монархъ своего времени и читалъ Лукреція и Виргилія. Брежжилъ разсвѣтъ, изъ-за холмовъ Авеццано несся звонъ оружія, и мудрый Руджеро свертывалъ въ трубку оды Виргилія, садился на коня и несся навстрѣчу врагамъ. По прихотливому теченію Лири плелись караваны утомленныхъ купцовъ. А сверху въ это время разбойники—феодалы выслѣживали добычу и, покинувъ твердыни, бросались на купцовъ, становившихся жертвой алчности бароновъ.

Такъ и теперь, глубокой ночью проѣзжая эти мѣста, вы видите вдругъ въ небѣ очертанія древняго замка. И кажется, вотъ-вотъ за поворотомъ спрятанными находятся банды рыцарей.

Но прошло двадцать съ лишнимъ вѣковъ. Умчались въ исторію арміи Аннибала, легіоны Рима, орды лангобардовъ, наемные бандиты сицилійскихъ и испанскихъ королей, войска папъ и императоровъ. И, обильно смоченная кровью земля покрылась виноградниками, оливковыми и апельсиновыми рощами. По склонамъ горъ пасутся стада овецъ. Въ долинахъ воздѣлываютъ пшеницу и кукурузу. Въ городкахъ и селахъ дымятъ трубы мастерскихъ. Лѣпясь въ гору, укрылись подъ тѣнью источаемые времеиемъ и червями домишки одинокихъ фермеровъ. Сотнями насосовъ вода изъ Лири отведена въ обѣ стороны, чтобы орошать поля. Звонко гудятъ колокола древнихъ храмовъ. Спокойно, безъ боязни быть ограбленными, по утрамъ тянутся въ городъ толпы крестьянокъ. Изъ фермы на горѣ выходитъ мальчуганъ и бѣжитъ въ школу сосѣдней деревни.

Исполинскій трудъ десятковъ поколѣній горную пустыню и разрыхленныя долины превратилъ въ настоящій рай земной. И когда вечеромъ, проходя по улицѣ деревни, видишь бойкихъ красавицъ на балконахъ, а внизу—черноглазыхъ парней, распѣвающихъ серенады своимъ возлюбленнымъ,—чувствуешь, что такова по заслугамъ награда людямъ, столь героически трудящимся.

И потомъ внезапно, какъ ударъ грома, разражается катастрофа. Періодически, южная часть Ланіума, Кампанія, Калабрія, Абруццы и Сицилія превращаются въ руину и въ огромное кладбище для этихъ веселыхъ и презирающихъ смерть людей. Но проходятъ дни ужаса и печали. Заростаютъ травой братскія могилы. На старыя пепелища собираются уцѣлѣвшіе отъ землетрясенія жители. И опять напряжены мышцы, сосредоточена мысль. Создается новая жизнь. И несется пѣснь, звенитъ смѣхъ... до новаго горя, до новаго землетрясенія. И чѣмъ больше проходитъ лѣтъ, чѣмъ большее число жертвъ требуетъ хромоногій Вулканъ,—тѣмъ сильнѣе привязаны къ своимъ мѣстамъ жители. Казалось-бы, послѣ декабрьскихъ дней 1908 г., немногочисленные, уцѣлѣвшіе отъ катастрофы граждане Мессины навсегда покинутъ родной городъ. Некуда было и возращаться. Но случилось иное: пришли на это страшное кладбище, раскинули палатки, не желая уходить отъ дорогихъ мертвецовъ и священной исторіи. И теперь въ Мессинѣ уже сто тысячъ населенія и цвѣтущая, бодрая жизнь.

Такъ изъ пепла возстанетъ Авеццано и Сора и всѣ эти разрушенные города и села. И въ исторіи будетъ еще одна страница печали, мало-ли ихъ?

Петръ Рыссъ.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ПРОКОПІЙ ПРАВЕДНЫЙ.

Николаю Константиновичу Рериху.

— Тучи, сестрицы, куда вы плывете?

Отвѣчали тучи:

— Мы плывемъ дружиной, милый братецъ, бѣлыя—на Бѣлое море во святой Соловецъ островъ, синія—на западъ ко святой Софеѣ Премудрости Божьей.

На Сокольей горѣ на бугринѣ сидѣлъ Прокопій блаженный, благословлялъ на тихую поплынь воздушныхъ сестеръ.

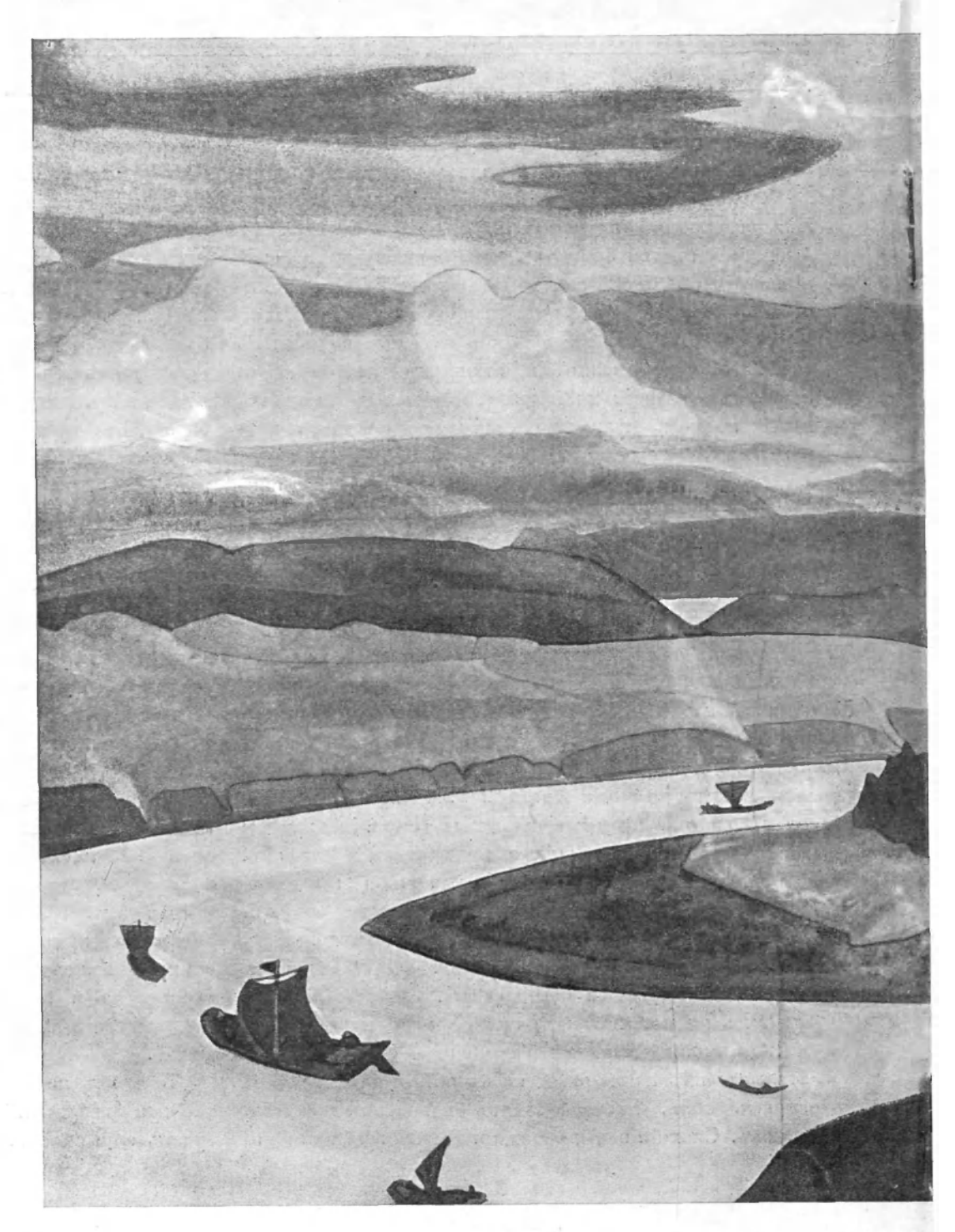
Унывали синія сумерки, синія...—тамъ за лѣсомъ ужъ осень катила золотымъ кольцомъ по опутинамъ—синія вечернія, разстилались онѣ по приволью—зеленымъ лугамъ.

*

Онъ пришелъ въ дальній Гледень отъ святой Софеи отъ старца Варлаама съ Хутыни...

Былъ онъ богатый и за его казну шла ему слава. Роздалъ онъ свое богатство и была ему честь за его милость. И стало ему стыдно передъ всѣмъ міромъ: вотъ онъ хорошій и добрый и всѣ его хвалятъ. И развѣ не тяжко совѣстному сердцу ходить среди грѣшнаго міра въ бѣлой и чистой славѣ! И тогда онъ взялъ на себя великій подвигъ Христа ради и принялъ всю горечь міра. Слышалъ и не откликнулся на добрый зовъ... онъ какъ свой, среди отверженныхъ и, какъ братъ, среди пропащихъ. И со блазнились о немъ люди.

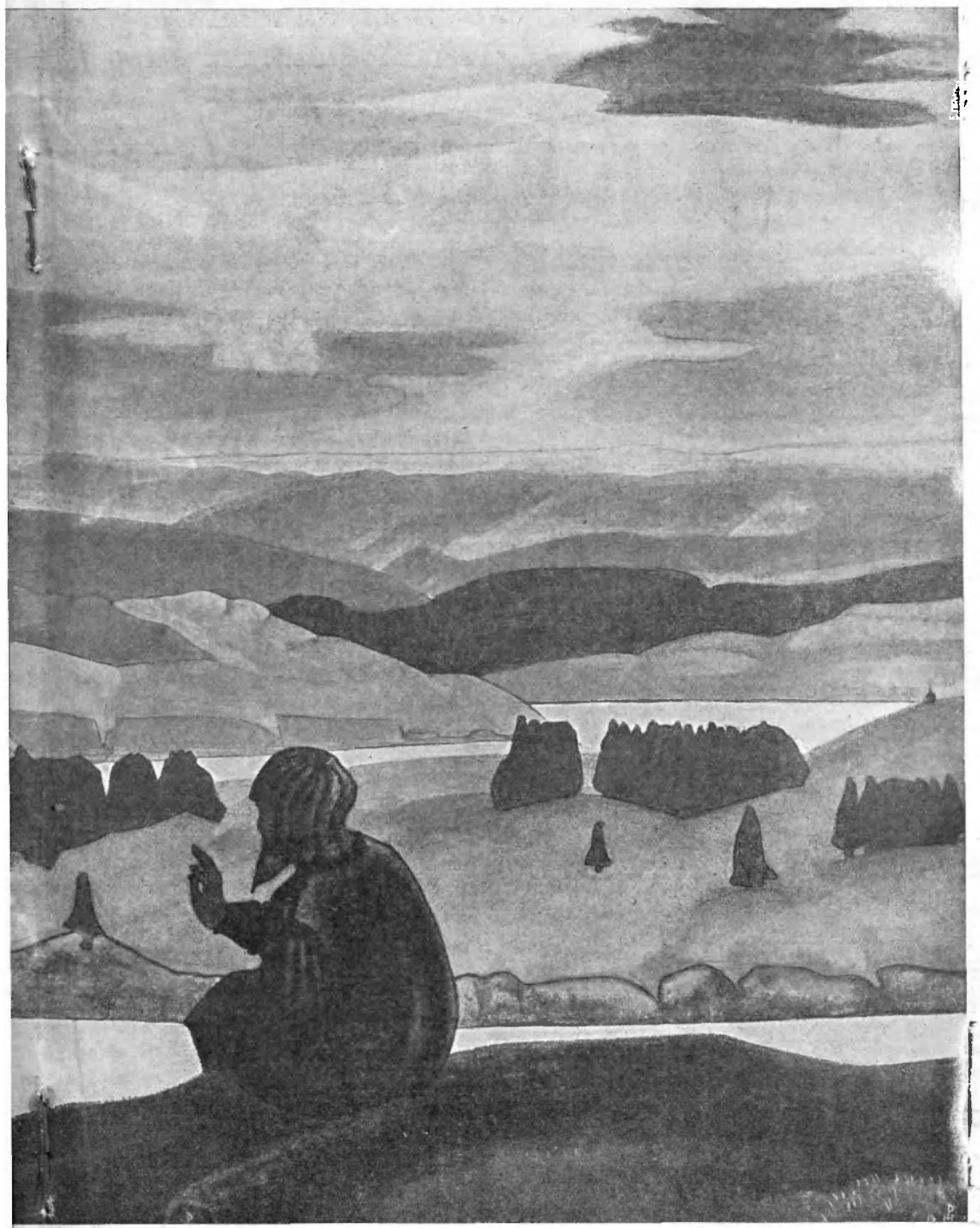
Онъ пришелъ въ суровый дальній Гледень отъ святой Софеи.



(Перепечатка воспрещается). ПРОКОПІЙ

«Бродяга, похабъ безумный»!—такъ его привѣчали.

Оборванный и холодный въ злую стужу постучался онъ въ сторожку къ нищимъ и нищіе его прогнали. Думалъ согрѣться собачьимъ тепломъ, полѣзъ въ конурку. Съ воемъ выскочила собака—зря потревожилъ Шавку!—и убѣжала. Окоченѣлый поплелся онъ на холодную паперть. Кто его, безпріютнаго, приметъ, послѣдняго человѣка? Не Она ли, честнѣйшая, не пожелавшая въ раю быть . . . . . не Она ли, пречистая, пожелавшая вольно мучиться съ грѣшными, великая совѣсть міра, Матерь Свѣта? И вотъ ровно тепломъ повѣяло...



ПРАВЕДНЫЙ. *Н. К. Рерихъ.*

И съ той поры домъ его—папертный уголь въ домѣ Пресвятой Богородицы.

Шла гроза на русскую землю. Никто ее не ждалъ и жили безпечно. Онъ одинъ ее чуялъ, принявшій всю горечь міра, съ плачемъ ходилъ онъ по городу, умолялъ перестать отъ худыхъ дѣлъ, раскрыть сердце другъ для друга. За суетой его никто не слушалъ, били его и ругали. И вотъ показалось: раскаленные красные камни плыли по черному небу, и было какъ ночью въ пожаръ, и былъ стукъ въ небесахъ, нельзя было словъ разслышать. Ошалѣлые метались люди. А онъ бился о камни, кричалъ черезъ громъ, не погубить просилъ, пощадить жизнь народу и землѣ. И гроза мимо прошла. Тамъ разразилась, тамъ, за лѣсомъ и далеко засыпала камнемъ до Студенаго моря.

Онъ пришелъ въ суровый Гледень отъ святой Софеи и былъ ему кровомъ домъ Богородицы.

А когда насталъ послѣдній его часъ, лѣтнимъ вечеромъ шелъ онъ въ церковь къ Михаилѣ архангелу. Поджидала его смерть на мосту къ Михаилѣ архангелу.

«Милый братецъ, прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ»!—и ударила его косой.

И онъ упалъ на мосту.

И вотъ тучи сестры принесли ему бѣлый покровъ. Въ лѣтней ночи закуделила метель. Высокій намело сугробъ. И лежалъ онъ подъ сугробомъ серебряную ночь.

*

Въ синемъ сумракѣ тихо плыли синія и бѣлыя тучи и, какъ тучи, плыли рѣки—синяя Сухона и бѣлая Двина.

Зацвѣтала рѣка цвѣтами—послѣдніе корабли уплывали: одни въ Бѣлое море насвятой Соловецъ островъ, другіе ко святой Софеѣ—Премудрости Божьей.

На Сокольей горѣ на бугринѣ сидѣлъ Прокопій блаженный.

— Милый братецъ, помоли о насъ, даруй тихое плаваніе!

— Милый братецъ, благослови русскій народъ—мудростью святой Софеи, совѣстью Пречистой, духомъ Михайлы архангела!

Алексѣй Ремизовъ.

БѢЛАЯ ЛИСИЦА

Старинная японская сказка

БѢЛАЯ лисица умѣетъ оборачиваться всякою тварью. Бѣда тому, кто встрѣтитъ бѣлую лисицу въ глухую пору въ пустынномъ мѣстѣ: она навѣрное сыграетъ какую нибудь штуку, которой во всю жизнь не забудетъ тотъ, съ кѣмъ она была сыграна.

Такутаро пировалъ съ друзьями и расхвастался:

— Не боюсь бѣлой лисицы! Пойду одинъ ночью на болото—и ни одного волоса на моей головѣ не тронетъ бѣлая лисица.

— Пари!

— Пари.

Держалъ Такутаро парп на боченокъ вина: пойдетъ ночью одинъ на болото, и если хоть волосъ на его головѣ тронетъ бѣлая лисица—онъ ставитъ боченокъ вина.

Вышелъ Такутаро на болото. Идетъ по кочкамъ—черно кругомъ, ничего не видно. Вдругъ мелькнуло бѣлое и скрылось. И сейчасъ же изъ того мѣста

навстрѣчу Такутаро идетъ дѣвушка. Знакомая дѣвушка, невѣста Такутаро.

— Я иду домой, проводи меня Такутаро. Мнѣ одной страшно.

Пошелъ Такутаро съ дѣвушкой. Шелъ по болоту, долго шелъ. Пришли въ деревню, къ отцу и матери дѣвушки.

Вошли въ домъ.

— Здравствуй дочь! Ты рано вернулась: хотѣла ночь провести у тетки.

— Да, я рано вернулась.

Отозвалъ Такутаро родителей дѣвушкп въ сторону:

— Это не ваша дочь: это бѣлая лисица — оборотень. Я справлюсь съ нею, только не мѣшайте мнѣ.

— Хорошо, не будемъ мѣшать, дѣлай съ нею что хочешь.

Легъ Такутаро спать. Пришла къ нему дѣвушка.

Схватилъ ее Такутаро за горло, прижалъ къ землѣ.

— Ты—бѣлая лисица. Вернись въ свой образъ!

Молчитъ дѣвушка.

Взялъ Такутаро горячее желѣзо. Сталъ жечь дѣвушку желѣзомъ.

— Вернись въ свой образъ! Ты—бѣлая лисица.

Молчитъ дѣвушка.

Взялъ Такутаро веревку. Обвилъ шею дѣвушки, душитъ ее.

— Ты—бѣлая лисица. Вернись въ свой образъ!

Молчитъ дѣвушка.

Стягиваетъ Такутаро веревкою шею дѣвушки. Туже и туже.

— Я не могу вынести, говоритъ дѣвушка. Я умру.

И умерла дѣвушка.

И горько заплакалъ Такутаро.

Это не бѣлая лисица—это дѣвушка, его невѣста. Бѣлая лисица не умретъ; она вернется въ свой образъ и убѣжитъ, не дастъ убить себя.

Говоритъ Такутаро родителямъ дѣвушки:

— Это ваша дочь, это не бѣлая лисица. Я убилъ ее—убейте вы меня.

И говорятъ родители:

— Ты убилъ нашу дочь. Теперь ты долженъ тоже умереть.

Хотѣли родители дѣвушки убить Такутаро—вдругъ въ окно стучатъ.

— Отворите, впустите странника!

Отворили, впустили. Вошелъ монахъ, старый и смиренный, съ бритою головой.

Спросилъ монахъ:

— Что вы дѣлаете? Зачѣмъ вы хотите убить этого юношу?

— Такутаро убилъ нашу дочь. Онъ мучалъ ее. Онъ думалъ, что это бѣлая лисица. Но бѣлая лисица не дастъ себя убить, а она умерла. Вотъ она лежитъ, задушенная, и за это мы хотимъ убить Такутаро.

— Нѣтъ, не убивайте Такутаро! Онъ совершилъ великій грѣхъ: онъ убилъ дѣвушку. Но Такутаро замолитъ свой грѣхъ. Онъ пойдетъ со мною, онъ будетъ монахомъ, какъ и я, онъ будетъ молиться день и ночь и замолитъ свой грѣхъ. Не убивайте Такутаро!

И родители дѣвушки не убили Такутаро.

— Да, пусть онъ будетъ монахомъ! Мы не вернемъ нашей дѣвушки, если убьемъ Такутаро. Пусть онъ будетъ монахомъ, пусть онъ молится, чтобы прощенъ былъ ему этотъ грѣхъ.

Пришелъ человѣкъ и сталъ брить Такутаро голову.

И старый монахъ смотрѣлъ, какъ падала на землю прядь за прядью его волосъ.

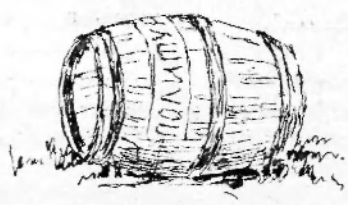
И когда послѣдняя прядь упала на землю—исчезло все, и домъ, и дѣвушка, и родители дѣвушки, и монахъ, и тотъ человѣкъ, который брилъ голову Такутаро. И очнулся Такутаро среди болота.

Вздохнулъ Такутаро радостно: какіе худые сны снятся иногда людямъ.

И поднялъ Такутаро руку, чтобы отереть холодный потъ со своего лба. И не почувствовала его рука волосъ на головѣ.

Пошелъ Такутаро и поставилъ своимъ друзьямъ боченокъ вина.

В. Каррикъ.



СНЫ РУССКАГО ИНТЕЛЛИГЕНТА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

Рѣдкій изъ художниковъ слова не вводилъ въ свои произведенія сновидѣній, и въ русской художественной литературѣ, въ сочиненіяхъ Пушкина, Достоевскаго, Л. Толстого не мало поразительныхъ описаній сновъ. Конечно, сны здѣсь связаны въ художественномъ планѣ съ ходомъ дѣйствія, всегда оказываются пророческими и являются результатомъ творческой работы автора. Изъ новѣйшихъ писателей особое вниманіе снамъ удѣляетъ Алексѣй Ремизовъ. Онъ далъ самостоятельныя, а не вставныя изложенія примѣчательныхъ сновъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что записи подлинныхъ, дѣйствительныхъ сновъ представляютъ глубокій интересъ для психолога, художника и сопоставленіе ряда записей могло бы повести къ выводамъ и обобщеніямъ по вопросамъ о дѣйствіи воображенія во снѣ, о процессѣ художественной работы, который у нѣкоторыхъ осуществляется пожалуй только во снѣ.

Передо мной лежитъ книжка съ записями сновъ съ вытисненнымъ на переплетѣ заголовкомъ «Предчувствованія, сновидѣнія, мечты, чутье». Владѣлецъ этой книжки записывалъ въ нее по горячимъ слѣдамъ, сейчасъ же послѣ пробужденія, сны, которые почему-либо казались ему любопытными и запечатлѣвались въ его памяти. Первыя записи сдѣланы въ 1797 году, послѣднія—въ 1816 году. Сновидецъ принадлежалъ къ немногочисленному въ Россіи тогда классу интеллигентовъ. Онъ учился въ Московскомъ университетѣ, испыталъ глубокое, реформирующее вліяніе Н. И. Новикова и И. Е. Шварца, конечно, былъ масономъ и любителемъ просвѣщенія. Находясь въ государственной службѣ, занимался дѣятельностью литературной, переводилъ, участвовалъ въ журналахъ. Какъ водится, проявилъ вольнодумство и, будучи привлеченъ къ отвѣту, пострадалъ. Не разъ таскали его въ тайную канцелярію и къ генералъ-прокурору, наконецъ, удалили со службы и ввергли въ нищету. Всѣ эти событія его личной жизни, нашли причудливое отраженіе въ его снахъ.

Собраніе записей сновидѣній русскаго интеллигента является своеобразнымъ, можно сказать, единственнымъ въ своемъ родѣ историческимъ источникомъ. Сквозь призму сна отразилась историческая, реальная дѣйствительность И любопытно констатировать рѣшительное совпаденіе нашихъ впечатлѣній о русской жизни при Павлѣ I, созданныхъ историческими изученіями, съ впечатлѣніями, которое производятъ на насъ эти странныя и нелѣпыя картины сновидѣній. Тяжело жилось русскому интеллигенту въ то время! Не даромъ нерѣдко видѣлъ онъ по ночамъ, какъ его исключаютъ со службы, какъ чинятъ ему допросы. Не даромъ, поверженный въ прахъ обыденности, ведущій немощную и скудную жизнь, по ночамъ онъ преображалъ себя въ своихъ снахъ и видѣлъ себя на одной ногѣ съ императоромъ, съ вельможами и сановниками, но и тутъ къ концу сна ему приходилось претерпѣвать отъ общенія съ высокопоставленными людьми.

Но сны любопытны не только историческими деталями. Въ причудливомъ развитіи нѣкоторыхъ сновидѣній есть извѣстная доля художественности.

Выбираю изъ этой книжки нѣсколько наиболѣе характерныхъ записей. Одинъ изъ сновъ, первый, о насильственной смерти императора Павла прямо пророческій.

П. Щеголевъ.

1797 года, апрѣля 21, поутру, видѣлъ я, будто бы при многочисленномъ собраніи народа и вельможъ Павелъ Первый въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ возсѣлъ на императорскій престолъ,—и едва онъ сѣлъ, какъ Екатерина II, невидимо подошедъ къ нему сзади, толкнула его въ спину такъ сильно, что Павелъ скатился съ престола бездыханенъ. Слышанъ былъ свыше гласъ: Мать или паче ея насильственная смерть свергли его съ престола!—Народъ глухимъ шумомъ повторилъ то же.

1797 года, іюня на 13. Видѣлъ я во снѣ Императора, маршировавшаго по комнатамъ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ въ лакированныхъ сапогахъ; потомъ якобы мнѣ велѣно париться въ банѣ, гдѣ я послѣ заплаты 30 копѣекъ получилъ родъ плетовъ за то, состоящихъ въ лоскуткѣ, похожемъ на плетеный ягдташъ; послѣ даны были мнѣ отъ Императора желтая четыреугольная шапка и перчатки съ крагами. Императоръ лежа спрашивалъ у меня, знакомъ ли я съ трактирщицею полячкою, говоря, что она ему много разъ обо мнѣ писала рекомендацію, но только онъ ее читать не могъ, потому что писаны были по латинѣ и по нѣмецки: что онъ доволенъ моею скромностью, и далъ мнѣ поцѣловать руку свою; за нескромность же и крикъ побранилъ Рябинина Егора, а за шумъ и непристойныя слова Палибиныхъ арестовалъ и исключилъ изъ службы Ив. Палибина.

1797 года на 13 іюля видѣлъ я во снѣ Императрицу Марію Ѳеодоровну смотрящую въ ящикъ съ крышкою стекляною на паука увеличивающагося отъ ея зрѣнія и родящаго неисчетное множество таракановъ, коихъ мои цыплята склевывали.

На 14 іюля видѣлъ я во снѣ дикой нагой народъ въ рощѣ, раздѣленный между мною и графомъ Суворовымъ съ тѣмъ, чтобъ я устроилъ ихъ общежитіе, а Суворовъ другую половину народа употребилъ бы для защищенія угнетаемой невинности и человѣчества.

1797 года августа 17 пополуночи въ 6 часу видѣлъ я во снѣ, будто бы живу въ домѣ графа Чернышева, и комнатки, отведенныя мнѣ, были темныя и окна занавѣшенныя, предъ окнами же огородецъ, въ которомъ всѣ цвѣты завяли и одичали; я вылѣзъ въ окно, чтобы поправить оные, нѣкоторые изъ оныхъ сорвалъ, и тамъ нашелъ свои бумажные и шелковые чулки, покраденные у меня какою-то старухою и спрятанные въ свое бѣлье, я выбралъ оные и слыхалъ, старуха явилась, и Пелагея струсила и не взяла чулокъ моихъ. Послѣ сего будто-бы я вошелъ въ большую залу, гдѣ разсматривалъ разныя прошенія: сюда явился повѣренный Курицынъ и сказалъ, что на поданное имъ о Пелагеѣ прошеніе митрополитъ сказалъ: «хорошо»! Потомъ я пошелъ въ шубѣ по крутой и скользкой улицѣ, сошелъ подъ темный сводъ каменный, гдѣ было очень грязно, якобы съ докладомъ къ Государю о тѣхъ прошеніяхъ; вышедъ изъ подъ свода полетѣлъ я по воздуху, опираясь въ землю черною тоненькою палкою; прилетѣлъ на домъ къ вице-канцлеру и очутился въ тѣсной передней, сталъ въ углу оной, на возвышенномъ мѣстѣ и Пелагея со мною, а передъ нами оборванный и лоскутами только черной рубахи покрытый Курицынъ, дѣлая разныя кривлянья и земные поклоны, представляя для разсмѣшенія нашего, какъ онъ будетъ просить о дѣлѣ вице-канцлера. Здѣсь вездѣ видны были слуги и подъячіе, носящіе разныя желѣзныя мучительскія орудія, и пріемъ отъ нихъ всѣмъ приходящимъ былъ весьма грубый съ отказомъ, что вице-канцлера видѣть нельзя; я вышелъ въ боковыя узкія дверцы черезъ темные переходы, и палочка моя въ рукахъ моихъ превратилась въ ружье; я вышелъ на узенькій дворикъ, заваленный досками, на коемъ видѣлъ молодого человѣка, порядочно одѣтаго, а около него стояли двѣ собаки—одна маленькая, а другая большая, какъ увидя меня залаяла, и мнѣ кто-то невидимо кричалъ, дабы я поостерегся; почему и вскочилъ я на стопу досокъ; большую собаку хотѣлъ было удержать тотъ молодой человѣкъ, но она вырва-

лась и обѣ начали бросаться на меня съ яростью, но я, толкая въ зубы прикладомъ превращеннаго изъ палки ружья моего не только выколотилъ имъ зубы и даже убилъ ихъ до смерти, при чемъ сдѣлались онѣ весьма малыми; послѣ чего я побѣжалъ къ воротамъ, кои были закладены досками, и кои хотѣлъ было отпереть мнѣ тотъ молодой дворникъ, который при томъ спросилъ меня какъ я отдѣлался отъ собакъ и живы ль онѣ, а когда я сказалъ, что убилъ ихъ, то онъ, оставя меня, бросился посмотрѣть ихъ, а я между тѣмъ проползъ подъ доски и вышедъ на улицу побѣжалъ, тутъ встрѣтился я подлѣ того двора съ людьми, несшими на дворъ къ вице-канцлеру желѣзное съ зубцами мучительское колесо, но я ничего объ этомъ не спрашивая, а единственно только стараясь спастись уходомъ, выбѣжалъ на широкую улицу.

1800 1 числа генваря пополуночи предъ просветомъ часу въ 7 видѣлъ я себя въ нѣкоей тѣсной и развалившейся хижинѣ лежащимъ на бѣдной кровати и постели, а подлѣ меня справа къ печкѣ, весьма худой, превеликая находилась куча золы, похожей на поташъ, но весьма мелкой. Я лежа глядѣлъ въ окно худое, закрытое худымъ же ставнемъ, сквозь дырье которыхъ видѣлъ я на льду, на рѣкѣ или подобіи морского залива замерзшемъ, приготовляемые нынѣшніе—съ странными коверканьемъ, крикомъ визгомъ, парадомъ, и нелѣпымъ то слѣпымъ, то кривымъ воинствомъ и генеральствомъ, мелящимъ слышанную мною нелѣпицу—разводы, къ которымъ вышли Великіе Князья Александръ Павловичъ и Николай Павловичъ а потомъ и самъ Императоръ.—При окончаніи такого развода забѣжалъ въ хижину, гдѣ я лежалъ, читая Миносовы законы, сочиненные Фенелономъ, помнится Г. Можайскій и съ торопливостью, говоря мнѣ, что идутъ ко мнѣ въ мою тюрьму Великіе князья, а за ними и самъ Государь приближался въ сапогахъ пребольшихъ съ раструбами, къ моей постели, а паче къ кучѣ вышесказанной золы. Я его оберегъ, чтобъ онъ не вымазался объ оную: онъ перескочилъ черезъ золу на скамейку, влѣзъ, прячась на печь, а вскорѣ вошелъ сперва съ нѣсколькими офицерами и генералами, Великій Князь Константинъ Павловичъ снялъ предо мной шляпу, я всталъ, держа читаемую книгу, съ постели и ему поклонился низко; за тѣмъ вошелъ и Великій Князь Александръ Павловичъ, при чемъ съ родомъ насмѣшки Великій Князь Константинъ Павловичъ говорилъ своей свитѣ: «видите ли, я ему кланяюсь низко», указывая на меня. Великій Князь Александръ Павловичъ и тоже снялъ передо мною шляпу, а я поклонился ему еще ниже; вслѣдъ за нимъ вошелъ и самъ Государь, ему я весьма униженно поклонился, все держа въ рукахъ переложа пальцами читаемое мѣсто, книгу сказанную. Его Величество приподнялъ шляпу предо мною и, ни слова не говоря, взялъ изъ моихъ рукъ книгу оную, развернулъ, гдѣ я держалъ пальцами, увидѣлъ мои ремарки краснымъ карандашомъ въ оной и сказалъ; лучше бы тебѣ упражняться въ переводахъ—я отвѣчалъ, что боюсь новыхъ отъ цензуры притѣсненій, и съ плачемъ сказалъ, что меня всюду тѣснятъ и обираютъ, ученики мои суть уже генеральскихъ чиновъ, получаютъ столовыя и другія великія деньги, по 5 рублей на столъ въ день, а я иногда не имѣю и 5 копѣекъ—при чемъ Государь не говоря мнѣ ни слова, холодно удалился изъ моей хижины. Когда Великій Князь со свитою своею еще оставались въ оной, подошелъ онъ къ дверямъ, а я проснулся. Но предъ симъ еще до выхода Государя изъ Церкви (гдѣ онъ долго спалъ) — къ разводу; очень поздно я имѣлъ свою кровать и лежалъ на широкомъ крыльцѣ колокольни».

НА СѢВЕРѢ ФРАНЦІИ. ФРАНЦУЗСКІЙ СТРѢЛОКЪ НА УДАЧНОЙ ПОЗИЦІИ.

ПОСЛѢ УХОДА НѢМЦЕВЪ. *(Собств. журн. «Отечество»).*

ДНЕВНИКЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ.

На дворѣ — снѣгъ, вьюга. За столомъ, въ хатѣ, заваленной снѣгомъ, трое насъ: капитанъ, поручикъ и я. Строчимъ письма всѣ трое, а за окномъ — вьюга, снѣгъ, который таетъ подъ ногою. Вечеръ, темно. Въ верстѣ, надъ темною полоскою лѣса, вспыхиваетъ время отъ времени яркій огонь — то разрывается нѣмецкая шрапнель. А намъ тепло, уютно. Шагахъ въ 50 отъ хатки стоитъ молча наша батарея. За нею, въ линію, другая. Тамъ дежурятъ офицера въ землянкахъ, въ которыхъ устроены печи. Но такъ и знаю: пройдетъ часъ или два, мы все такъ же будемъ сидѣть въ теплѣ, а тамъ, на передовыхъ пѣхоты послышится частая ружейная стрѣльба, застучатъ пулеметы. То наши полки— . . . . . пошли въ атаку. И если бы я былъ съ полкомъ, а не въ прикрытіи, пошелъ бы и я. И тамъ быстро бы рѣшилась моя судьба. А такъ я всю войну могу протаскаться за батареей, всего насмотрѣться, всего натерпѣться, и вернуться назадъ — не знаю только, здоровымъ-ли?

Вотъ прошлую ночь мы спали въ открытомъ полѣ, безъ окоповъ. Было немного соломы и я укрылся ею. Съ вечера шелъ дождь, къ утру — морозъ. И когда хотѣлъ подняться, то не могъ: обледенѣвшая солома смерзлась, какъ сплошное покрывало, а концами примерзла къ землѣ. И что было съ моими ногами—ахъ, это были двѣ ледяшки, ихъ нельзя было отшибить.

Сегодня снѣгъ и непередаваемо красивы и новы на снѣгу военныя картины — отряды, оружія, обозы. Если бы не былъ я утомленъ, я бы накаталъ тебѣ объ этомъ всѣ четыре страницы.

Впереди у насъ, верстахъ въ 10, лежитъ нѣмецкій городокъ Ангербургъ. Въ городкѣ этомъ, какъ говорятъ, происходитъ нѣчто ужасное: всѣ жители, устрашенные наступленіемъ русскихъ, сбѣжались въ него въ паникѣ, которая передается въ войска. Женщины, старики, дѣти. Мы, дѣйствительно, всѣ хутора и деревни находили пустыми. Наша бригада движется въ направленіи этого города.

Въ одной избѣ прочли (я самъ читалъ) большіе плакаты, на одномъ — «Христосъ все видитъ!», а на другомъ — «Что бы сказалъ на это Христосъ?». Ахъ, какъ часто нѣмцы поминаютъ имя Божіе всуе! На каскахъ у нихъ написано: «Mit Gott für König und Vaterland», а на бляхахъ ремня — «Gott mit uns».

Что тебѣ еще сказать, К., милый? Все здѣсь чрезвычайно интересно. Въ снѣжныхъ сумеркахъ смотришь на движущуюся массу людей и думаешь: снѣгъ... поле... Германія... великія событія, великая война — вотъ она, передо мною и я въ ней. Приходитъ съ позиціи офицеръ — въ полушубкѣ, въ валенкахъ, въ капюшонѣ — весь въ снѣгу, весь течетъ, и опять смотришь, какъ раздѣвшись, грѣется онъ чаемъ, и думаешь: вотъ она, міровая война, вотъ она, ве-

БѢЖЕНЦЫ ИЗЪ ПЯСЕЧНО. *(Собств. журн. «Отечество»).*

ликая русская армія! И въ послѣдней, самой незначительной черточкѣ нашего походно-военнаго быта чувствуется эта великость происходящаго.

А зубы у меня все-таки начинаютъ болѣть, какъ у бѣднаго Бенъ-Товита. И если будутъ мнѣ что-нибудь посылать — особенно папиросъ, ихъ присылаютъ такъ ужасно мало! — то скажи, чтобы и отъ зубовъ что-нибудь послали.

Крѣпко, крѣпко цѣлую тебя и люблю

твой Андрей.

Милый К., нахожусь я сейчасъ въ идеальной обстановкѣ: небольшая теплая комнатка, свѣтъ (сейчасъ вѣтряный, дождливый вечеръ) и главное — въ этой комнатѣ я одинъ. О, это такое счастье — остаться одному. Вѣдь обычно все въ массѣ дѣлаешь, идешь ли, стоишь ли, или спишь. Никогда одинъ! За одною изъ стѣнъ разговарпваютъ офицера, а за другою слышно обольстительное шипѣнье — то денщики жарятъ гуся, котораго я буду ѣсть за ужиномъ.

Все это—резервъ, въ которомъ мы все еще находимся. А то, что было раньше— . . . , холодъ, вши— что вызвало съ вашей стороны цѣлый каскадъ посылокъ, сожалѣній, сочувствій, выраженій любви, — то былъ походъ, то была позиція, то былъ бой. Но пройдетъ день—два и мы вновь перейдемъ къ тому, что было. И тогда мнѣ такъ пригодятся ваши посылки, которыхъ я пока не касаюсь, что и сказать не могу.

Теперь я пишу совсѣмъ изъ другого мѣста. Но какъ мы попали въ него — разсказать невозможно. Нужно было пройти 15-ть верстъ, и мы шли съ 7 ч. утра и до 5 час. утра слѣдующаго дня 26 часовъ! Представляешь себѣ, что это была за дорога! Лошади завязали въ грязи по брюхо, падали, опрокидывали зарядные ящики. Прикрытіе наше, завязая по поясъ, выволакивало ихъ. Ночью было особенно скверно— и зги не видать, и вѣтеръ страшенный, и мелкій сѣкущій градъ. За сутки никто ничего въ ротъ не бралъ. Пришли и свалились.

К., милый, я не знаю, знаетъ ли мама о моемъ мѣстонахожденіи съ твоихъ словъ или же она читаетъ всѣ письма и твои. Иногда хочется написать то, что матери читать не слѣдовало бы. Поэтому, чтобы условиться, я пишу на А. И., а тамъ быть можетъ ты самъ мнѣ укажешь, куда писать.

Находимся сейчасъ далеко отъ русской границы— верстъ что-то около ста. Здорово уже забрались, а нѣмцы все отступаютъ. Но здѣсь стрѣльба уже недалеко, даже слышна ружейная.

Крѣпко крѣпко цѣлую тебя и Аню. Здоровъ я совершенно—чудесно согрѣвался ночью непромокаемыми штуками.

Услышишь, что мнѣ что нибудь посылаютъ, то въ первую голову посовѣтуй—папиросъ.

Цѣлую твой Андрей.

У БРАТСКИХЪ МОГИЛЪ. *(Собств. журн. «Отечества»).*

ПИСЬМА УЧАСТНИКОВЪ.

Дорогой мой! Кажется, въ предыдущемъ письмѣ я уже писалъ про первый О—ій бой 21/х.—Теперь О. и С. снова въ нашихъ рукахъ. Достались сравнительно «дешево»; нѣсколько пострадали пригородныя части того и другого. Зато прилежащія деревни совершенно разрушены. На общемъ черномъ фонѣ вырисовываются, какъ часовые, трубы уцѣлѣвшихъ печей и обугливщіеся стволы деревьевъ.

Ничего живого—ни собакъ, ни кошекъ... Населеніе западной Польши окончательно разорено. Особенно рѣзко бросаются въ глаза изможденныя, запуганныя лица еврейскаго населенія мѣстечекъ, которыя почти сплошь заселены мелкими торговцами и ремесленниками-евреями. Ты подумай, вѣдь 4 раза арміи проходили черезъ одну и ту-же территорію. При послѣднемъ отступленіи австрійцы и нѣмцы положительно забрали все, что могли,—не только фуражъ, провіантъ, фуры съ хорошими лошадьми и людьми-возницами, но даже одежду и даже бѣлье. Мало того, сдирали плюшъ съ мебели, словомъ мародерствуютъ «во всю».

Изъ помѣщеній Б—го минеральнаго курорта, кстати сказать, великолѣпно оборудованнаго, забравъ всю дорогую мебель и цѣнныя вещи, увезли на 25—30 подводахъ, которыя захватили здѣсь-же.

А наши какъ миндальничали съ ихъ подданными въ Галиціи! . . . . . .

. . . . . .

Другой (учитель) за три-четыре пуда сѣна запросилъ 15 рублей. Ей-Богу—безъ преувеличенія. Конечно, заплатили ему по справочной цѣнѣ.

. . . . . .

. . . . . Не знаю какъ въ этомъ отношеніи теперь будетъ за К. (на ихъ территоріи), который по общему убѣжденію скоро будетъ взятъ.

Въ эту войну меня поражаетъ строгая обдуманность и точная выполнимость намѣченныхъ плановъ, даже мелкихъ военныхъ операцій.

Все пока идетъ стройно въ сложной машинѣ этой войны. Настроеніе войскъ, насколько я могъ убѣдиться, повышенно-строгое, увѣренное, проникнутое сознаніемъ особой серьезности переживаемаго момента. . . . . .

. . . . . .

. . . . . а это въ дѣлѣ войны играетъ такую громадную роль, кото-

рую, по моему мнѣнію, сейчасъ трудно даже и учесть. Войска до сихъ поръ въ самомъ необходимомъ не терпятъ нужды.

... Въ А. насъ снова «пощекотали» непріятельскія гранаты... Совсѣмъ было расположились на ночлегъ, какъ раздался отдаленный гулъ, затѣмъ свистовой и черезъ нѣсколько секундъ оглушительный разрывъ снаряда. Воронкой поднялся черный дымъ (пороховой дымъ смѣшанный съ земляной пылью), значитъ, уналъ бризантный-фугасовый снарядъ. Дѣло плохо. Снова черезъ нѣсколько минутъ гулъ, снова свисто-вой, снова оглушительный разрывъ снаряда—окна заговорили въ нашей холунѣ. Снарядъ разорвался въ сосѣднемъ дворѣ, убилъ 2-хъ лошадей и 3-хъ людей. За вторымъ — 3, 4, 5, 6-ой—забилъ трепака бой войны. Мигомъ засѣдлали, запрягли обозныхъ и подъ выстрѣлами благополучно ускользнули изъ полосы обстрѣла. Отъѣхали версты 2. Ночь, что называется, глаза выколи, а австрійцы посылаютъ «гостинецъ» за «гостинцемъ».

— Врешь, не найдешь—острить одинъ казакъ.

— Испортилъ всю кашу нашему-то хозяину—отзывается другой.

— Смотрите, навѣрное сарай съ сѣномъ загорѣлся. Говорилъ хозяину не скупись, отдай по сходной цѣнѣ, а онъ все рубль воротилъ. Вотъ—у скупого больше чертъ взялъ.

— Что-же, дурная башка, радуешься чужой бѣдѣ—урезонилъ сосѣдъ,—вѣдь самъ еле живымъ вырвался!

Черезъ нѣкоторое время все смолкло.

Пересчитали людей, лошадей, повозки, осмотрѣли вещи— . . . . . но сами слава Богу,—всѣ благополучны.

Неподалеку смѣхъ: кучка собравшихся высмѣиваетъ дружелюбно-сочувственно одного, упавшаго съ лошади отъ сильнаго сотрясенія воздуха вблизи разорвавшагося снаряда.

— Какъ съ ладони сдунуло, братецъ родимый, меня съ воронка-то. До сихъ поръ въ ушахъ еще звонъ,—заявляетъ смущенно-испуганно потерпѣвшій.

Нарядили двоихъ за . . . . . вещами.

— Вотъ они васъ снова пугнутъ тамъ,—шутятъ въ слѣдъ уѣзжающимъ на мѣсто печальной, неудачной стоянки.

А со мной случилась такого рода исторія. Когда начали уже удирать со двора стоянки, я вспомнилъ, что въ холунѣ стоитъ только что разобранная моя походная кровать. Жаль оставлять—вещь въ походѣ очень нужная... я велѣлъ денщику вывести лошадей со двора на улицу, а самъ побѣжалъ за кроватью; пока ее складывалъ (а она уменя съ «капризами») выбѣжалъ—уже ни души—мой денщикъ вмѣстѣ съ лошадьми былъ увлеченъ общимъ потокомъ. Вотъ такъ фунтъ!.. Пѣшкомъ далеко не уйдешь. Только тутъ понялъ, что значитъ вдругъ очутиться пѣшкомъ, да еще при такихъ обстоятельствахъ. Положеньице...

(Собств. журн. «Отечество»).

Спасательный поясъ и шапка, подобранные нашими моряками послѣ уничтоженія крейсера «Фридрихъ-Карлъ» и минпаго заградителя.

Наученный горькимъ опытомъ и совѣтомъ артиллеристовъ, рѣшилъ итти навстрѣчу снарядовъ. Расчетъ оказался правильнымъ. Снаряды безпрерывно выли высоко надъ моей головой, но разрывались все дальше и дальше позади меня.

Хвала Аллаху — берегъ Вислы — почти внѣ опасности. Пошелъ по берегу вверхъ. Догоняетъ солдатикъ, «постой», кричитъ, «землякъ, пойдемъ вмѣстѣ, вдвоемъ-то сподручнѣй». Останавливаюсь. Идемъ вмѣстѣ, разговариваемъ о только что пережитомъ и оба истинно отъ всего сердца, вмѣстѣ, каждый на свой ладъ ругаемъ австрійцевъ почему-то.

— Впноватъ, В.-В.-Б-діе, — вытянувшись и взявъ подъ козырекъ рапортуетъ мой спутникъ.

— Я принялъ васъ за нижняго чина и при васъ ругался и курилъ.

— За это можно ихъ ругнуть, — успокоительно замѣтилъ я.

Направились дальше вмѣстѣ, но ужъ такого единенія между нами . . . . . не было: . . . . . Вскорѣ я нашелъ своихъ и мы разстались...

Протестъ Артура Шницлера.

Какъ будто недостаточно было интеллигентскихъ битвъ съ ихъ гордыми и неистовыми рѣчами, что находятся и сейчасъ беззастѣнчивые публицисты, которые, чтобы поддержать пожаръ, не задумываются подбросить въ огонь тѣ немногія имена, которыя остались въ сторонѣ отъ всеобщей свалки. Они не останавливаются предъ тѣмъ, чтобы приписать имъ злобныя мысли—новый посѣвъ ненависти. Одной изъ этихъ жертвъ сталъ извѣстный вѣнскій романистъ Артуръ Шницлеръ. Недавно въ русскихъ газетахъ ему приписали самые невѣроятные отзывы о выдающихся писателяхъ Россіи, Франціи, Англіи и Бельгіи.

Онъ пишетъ намъ, чтобы это опровергнуть. Онъ протестуетъ противъ того, что какая бы то ни была война можетъ повліять на безпристрастіе его ума и сужденій о литературныхъ произведеніяхъ. Публикуя его протестъ, мы исполняемъ только долгъ собрата, какъ мы сдѣлаемъ это всякій разъ, когда намъ представится возможность помочь дѣйствію, показывающему, среди безумія охваченныхъ борьбою націй, стойкое единство человѣческой мысли и скрытую связь ея лучшихъ представителей.

Роменъ Ролланъ.

15 декабря 1914 г.

Мнѣ стало извѣстно черезъ посредство моихъ русскихъ друзей, что въ петроградскихъ газетахъ опубликованы будто-бы мои отзывы о Толстомъ, Метерлинкѣ, Анатолѣ Франсѣ и Шекспирѣ.

Они такъ абсурдны и нелѣпы, что никто изъ знающихъ меня не повѣритъ имъ въ обычныхъ условіяхъ; но въ наше смутное время, ... они могутъ не показаться невѣроятными даже здравомыслящимъ людямъ.

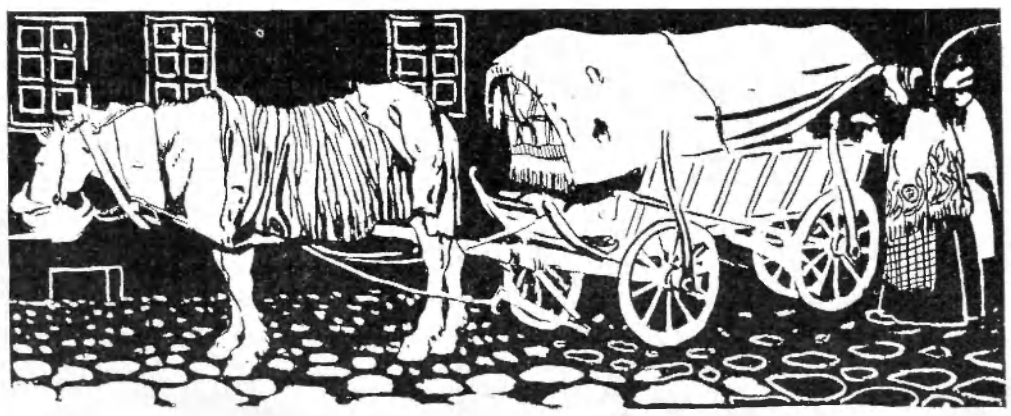
Подобныя попытки возбужденія, предпринимаемыя мародерами патріотизма далеко въ тылу . . . . сражающихся арміи подъ прикрытіемъ безотвѣтственной печати, представляютъ собою весьма характерное . . . . . явленіе этой войны. Даже самая нелѣпая изъ этихъ попытокъ, если она удастся, представитъ невѣроятныя трудности своимъ жертвамъ, когда впослѣдствіи онѣ захотятъ разсѣять это недоразумѣніе. Вотъ почему было бы ошибкой пренебречь ими въ виду ихъ несообразности.

Точный текстъ приписываемыхъ мнѣ сужденіи еще не извѣстенъ мнѣ. Но смыслъ ихъ и ихъ опубликованіе достовѣрны. И такъ какъ при существующихъ обстоятельствахъ можетъ пройти много времени, прежде чѣмъ я получу подлинную статью, то я вынужденъ пока ограничиться заявленіемъ, что приписываемые мнѣ отзывы никогда не были да и не могли быть мною произнесены ни въ какое время, ни въ мирное, ни въ военное, имѣя въ виду мой образъ мыслей.

Въ сущности говоря, тому, кто всю свою жизнь тщательно избѣгалъ проявлять дурной вкусъ, являясь собственнымъ истолкователемъ, немного унизительно быть вынужденнымъ въ первый разъ завѣрять, что прекрасное для него всегда прекрасно, что великое всегда будетъ великимъ,—даже, если бъ оно принадлежало націямъ (или процвѣтало среди націи), съ которыми его отечество въ войнѣ. Но когда я подумаю о несмѣтномъ количествѣ людей, которымъ теперь приходится подвергаться гораздо худшимъ вещамъ, чѣмъ проявленіе дурного вкуса, то я не раздумывая заявляю здѣсь письменно: что я считаю Толстого (Русскаго!) однимъ изъ могущественнѣйшихъ поэтическихъ геніевъ, котораго когда либо носилъ на себѣ шаръ земной; что Анатоль Франсъ (Французъ!) является для меня теперь, какъ и раньше, однимъ изъ изящнѣйшихъ современныхъ умовъ и талантливѣйшихъ разсказчиковъ; а что касается Метерлинка (Бельгіецъ!), то его поэмы природы, такъ же, какъ множество его мелкихъ драмъ, ничуть не потеряли бы въ моихъ глазахъ своего таинственнаго и благороднаго очарованія, если бъ даже онъ и въ самомъ дѣлѣ написалъ всѣ тѣ фантазіи о Германіи, которыя надавно появились въ газетахъ подъ его именемъ. Долженъ-ли я еще со всею серьезностью воздать всенародно почтеніе Шекспиру (Англичанину!... Ну, да! вѣдь онъ родился въ Стратфордѣ?...) Или ужъ и самые освѣдомленные начинаютъ понимать, что еслибъ война длилась тридцать лѣтъ, Шекспиръ для меня всегда останется Шекспиромъ, единственнымъ, для котораго нѣтъ достаточно хвалебныхъ словъ, нѣтъ сравненій?...

Остановимся на этомъ... Впослѣдствіи, когда вновь настанетъ миръ, мы съ болью вспомнимъ, что было время, когда мы должны были кричать другъ другу черезъ границы, увѣряя, что каждый, любя свое отечество, не терялъ никогда чувства справедливости, разсудительности, благодарности—словомъ, проще говоря, что мы никогда не теряли совершенно разсудка.

Вѣна. Декабрь. 1914. *Артуръ Шницлеръ.*



Въ первые же дни послѣ объявленія войны на событія откликнулись евреи не только въ Россіи, но и въ союзныхъ намъ странахъ, Англіи и Франціи.

Во всѣхъ кварталахъ Парижа были расклеены евреями воззванія и была устроена огромная маннфестація, съ горячимъ призывомъ къ еврейскому населенію пойти на защиту свободной страны, гостепріимно пріютившей еврейскихъ скитальцевъ. Когда черезъ нѣсколько дней по окончаніи мобилизаціи французовъ въ центральномъ пунктѣ Esplanade des Invalides собрались иностранцы-добровольцы съ отрядами, раздѣленными по національностямъ, и стояли, ожидая очереди записаться въ армію, то среди нихъ виднѣлся многочисленный еврейскій отрядъ со своимъ знаменемъ.

Откликнулись не французскіе евреи-граждане, обязанные защищать родину, а евреи иммигранты, судьбой заброшенные съ разныхъ концовъ свѣта въ этотъ міровой городъ. Съ чувствомъ глубокой благодарности къ пріютившей ихъ Франціи, первой провозгласившей права человѣка и распространившей ихъ на евреевъ, съ вѣрой въ правоту дѣла, съ мыслями о свободѣ и равенствѣ, съ надеждой на лучшее будущее ушли они на войну, которую всѣ назвали освободительной.

ГОЛОСЪ ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

(ПИСЬМО).

Я все ждалъ, что во французскихъ или въ нейтральныхъ (швейцарскихъ и итальянскихъ) газетахъ появится «письмо» русскихъ писателей въ отвѣтъ на посланіе нѣмцевъ, но появились письма англичанъ и французовъ, а мы молчимъ. А между тѣмъ намъ пора возвысить свой голосъ и мы на то имѣемъ право.

Вы себѣ представить не можете, какъ я мучаюсь, читая «благосклонныя» статьи въ нейтральныхъ органахъ о насъ, о Россіи. Эта снисходительная благожелательность хуже, быть можетъ, чѣмъ тупая брань нѣмцевъ.

Вѣдь пора, въ самомъ дѣлѣ, намъ, русскимъ, сказать независимо и твердо, что если Европа хочетъ жить мудро, она должна принять насъ не только какъ выгодныхъ военныхъ союзниковъ, а какъ равныхъ ей ревнителей міровой культуры и правды. Въ Европѣ читаютъ и Толстого, и Достоевскаго, но почти никто не понимаетъ, что это не просто романисты и не случайное явленіе, а нѣчто совершенно особенное, что они — Россія, цѣлый міръ, безъ котораго Европа, новая Европа, останется духовно нищей.

Надо написать такъ, чтобы не впадая въ узкій и чванный націонализмъ, оградить, однако, достоинство Россіи по существу, напомнить Европѣ о томъ, что у насъ есть Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Толстой, Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ, Александръ Ивановъ, Врубель, что у насъ есть дивные зодчіе, геніальные композиторы и, главное, что у насъ есть народъ, который, несмотря ни на что, знаетъ Христа, народъ великодушный, безкорыстный и свободолюбивый до конца. Надо громко сказать Европѣ, что мы прежде всего вѣримъ во вселенскую правду, но что мы не отречемся отъ Россіи никогда и что, если мы Европу знаемъ не хуже Россіи, то и Европа должна узнать насъ, не можетъ не узнать.

Пусть всѣ поэты и художники, и ревнители русской культуры вообще — даже тѣ, чьи имена неизвѣстны Европѣ, — пусть подпишутся подъ этимъ письмомъ, какъ сдѣлали это англичане. Это письмо надо напечатать въ парижскихъ, женевскихъ, лондонскихъ, миланскихъ и римскихъ газетахъ. Если письмо въ этомъ духѣ будетъ составлено, присоедините и мою подпись. Она, вѣроятно, никому не нужна, но мнѣ внутренно нужна.

Георгій Чулковъ.

Sierre (Valais)
Suisse
12/25 ноября, 1914 г.

ВЪ СТАНѢ ВРАГОВЪ.

Нѣмцы предлагаютъ слова: вандалъ, вандализмъ считать почетными.

BERLINER Local Anzeiger напечаталъ на-дняхъ статью въ которой горько упрекаетъ нѣмцевъ за то что они, вслѣдъ за другими народами, употребляютъ слова вандалъ и вандализмъ въ бранномъ смыслѣ.

«Вандалы, говоритъ патріотическая газета, были благородной, храброй и мужественной расой. Пора понять что вандализмъ—это понятіе не позорное, а почетное».

Экзаменъ на плѣннаго священника.

Въ началѣ войны императоръ Вильгельмъ издалъ приказъ, коимъ предписывалось примѣнять къ французскимъ священнослужителямъ, попадающимъ въ плѣнъ офицерскій режимъ. Но такъ какъ священники, попадающіе въ плѣнъ, не имѣютъ съ собой никакихъ доказательствъ своего сана, то въ Германіи придумали слѣдующій выходъ. Близъ Мюнстера въ Ганноверѣ учреждена комиссія изъ профессоровъ богословскаго факультета Кассельскаго Университета, которая подвергаетъ желающихъ экзамену на чинъ плѣннаго священника. Успѣшно выдержавшимъ испытаніе выдается соотвѣтствующее свидѣтельство. Передаютъ, что эти свидѣтельства пользуются большимъ успѣхомъ у коллекціонеровъ въ Парижѣ.

Новый способъ германизаціи Бельгіи.

Подъ угрозами контрибуціи и реквизиціи жителей многихъ городовъ въ Бельгіи вынуждаютъ подписывать петиціи на имя германскихъ властей о переименованіи бельгійскихъ городовъ на нѣмецкій ладъ въ честь какого нибудь германскаго военачальника.

Въ Бельгіи, благодаря этому есть уже города Клукшталь, Мольткебергъ, Вильгельмсбургъ и др.

Мѣры насильственнаго удержанія населенія въ Восточной Пруссіи.

Въ цѣломъ рядѣ городовъ Восточной Пруссіи вывѣшены объявленія бургомистровъ, въ которыхъ женское населеніе городовъ предупреждается, что въ случаѣ самовольнаго выѣзда изъ города женъ и матерей запасныхъ, пользующихся военнымъ пособіемъ изъ общинныхъ кассъ, онѣ будутъ лишены этого пособія. Кара эта распространяется на всѣхъ членовъ семейства, хотя бы только одинъ изъ нихъ нарушилъ это постановленіе.

Германскій канцлеръ въ походѣ.

Французскіе банки и германскія контрибуціи.

Французскія газеты сообщаютъ, что банки нѣкоторыхъ нейтральныхъ государствъ пытались размѣнять въ Парижѣ милліонъ французскихъ кредитныхъ билетовъ, полученныхъ путемъ грабежа или контрибуцій. Многіе изъ кредитныхъ билетовъ частью обгорѣли, другіе сохранили явные слѣды крови. Французскіе банки отказываются принимать подобные кредитные билеты.

Кухонные отбросы въ Германіи.

Германскій министръ торговли отдалъ распоряженіе относительно экономнаго потребленія хлѣба и бережнаго отношенія къ кухоннымъ отбросамъ. Въ этомъ обращеніи преподается совѣтъ не чистить картофель до варки, такъ какъ при этомъ много картофеля теряется непроизводительно.

Кельнскій оберъ-бюргермейстеръ издалъ распоряженіе о томъ какъ должны храниться кухонные отбросы. За ними будутъ пріѣзжать подводы и отбросы будутъ продаваться сельскимъ хозяевамъ.

Пораженіе Германіи и Австро-Венгріи желательно въ интересахъ прогресса и цивилизаціи.

Соціалистическая партія въ Испаніи приняла, по сообщеніямъ газетъ, короткую и выразительную резолюцію слѣдующаго содержанія: «Пораженіе Германіи и Австро-Венгріи желательно въ интересахъ прогресса и цивилизаціи».

На эту резолюцію испанской соціалистической партіи органъ саксонской соціалдемократической партіи «Chemnitzer Volkstimme» отозвался слѣдующимъ откровеннымъ признаніемъ: «Испанская соціалистическая партія чистосердечно высказала лишь то, чего желаютъ организаціи другихъ нейтральныхъ странъ».

СОДЕРЖАНІЕ.

Ѳ. С. Отечество для всѣхъ. ● М. О. ГЕРШЕНЗОНЪ. Урокъ войны. ● ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. Дѣдъ и внукъ. Разсказъ съ иллюстраціей Б. М. КУСТОДІЕВА. ● АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ. Стихи. ● АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ. Прокопій Праведный. ● П. ЩЕГОЛЕВЪ. Сны русскаго интеллигента въ царств. имп. Павла. ● ПЕТРЪ РЫССЪ. Къ землетрясенію въ Италіи. ● В. КАРРИКЪ. Бѣлая лисица. Старинная японская сказка съ иллюстраціями автора. ● Дневникъ въ письмахъ. ● Письма участниковъ войны. ● Протестъ Артура Шницлера. ● Голосъ изъ-за границы. Письмо ГЕОРГІЯ ЧУЛКОВА. ● Въ станѣ враговъ. ● НИКОЛАЙ РЕРИХЪ. Прокопій Праведный. Картина. ● Фотографіи съ театра войны.

Первый номеръ выходитъ съ значительнымъ опозданіемъ изъ-за промедленія въ доставкѣ спеціально заказанной для журнала бумаги.

Типо-Литографія «Якорь», Петроградъ, Б. Болотная, № 10. Редакторъ-Издатель *З. И. Гржебинъ.*